

В статье подвергается сомнению общепринятое определение архитектуры как профессии, поскольку подлинный предмет архитектуры не определен. Подчеркивается бессистемный набор изучаемых в архитектурных школах предметов и неопределенность статуса архитектора в демократическом обществе. Кризис, переживаемый архитектурой в третьем тысячелетии, может либо завершить превращение архитектуры в строительный дизайн, либо архитектура обретет профессиональный статус.

Ключевые слова: архитектура; профессия архитектора; ремесленная природа архитектуры; отсутствие предмета архитектуры; архитектура в третьем тысячелетии; строительный дизайн; возможность обретения архитектурой профессионального статуса. /

The author questions the generally accepted definition of architecture as a profession, because the genuine subject of architecture has not been defined yet. The article underlines the systemless selection of subjects studied at architectural schools and an indefinite status of the architect in the democratic society. Either the crisis faced by architecture in the third millennium can finish the transformation of architecture into building design or architecture will acquire a professional status.

Keywords: architecture; architectural profession; craft nature of architecture; absence of the subject of architecture; architecture in the third millennium; building design; possibility to acquire a professional status.

Архитектура и профессия / Architecture and the Profession

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Архитектура стала профессией в Древнем Мире. Мы знаем имена Иктина, Фидия или Хирама. Знаем имя Витрувия – даже чуть ли не как теоретика архитектуры. Во всяком случае, он это слово употребил в своих книгах. Но этого мало. Возможно, что это были строители или скульпторы с особым даром создавать архитектуру. Из средних веков имена архитекторов дошли до нас отрывочно и случайно, например, мастер Петр. Слово «мастер» было широким понятием и не ограничивалось архитектурой. Кажется, что профессиональной архитектурой стали заниматься мастера Ренессанса, хотя Микеланджело и Рафаэль не были архитекторами. Профессионализация скрывалась в артелях каменщиков и впервые выросла из этих артелей в Академиях XVI века. Но стали ли Академии родоначальниками архитектуры или, напротив, с них начался упадок профессии – большой вопрос.

Сегодня ясно другое: профессия архитектора находится в упадке, как и сама архитектура. И еще более важно: по сравнению с другими профессиями архитектура профессией в полном смысле слова так и не стала. До сего дня она лишь номинально считается профессией, так как подлинный предмет архитектуры не ясен, ибо искусство строить здания охватывает много разных умений и не гарантирует собственно создание архитектуры.

Сегодня понятие «инженер» и то более определено, чем понятие архитектора, несмотря на то, что инженеров много, а архитекторы делятся на планировщиков и собственно архитекторов зданий или интерьеров.

Отсутствие предмета архитектуры сегодня ярко обнаруживается в бессистемном наборе изучаемых в архитектурной школе предметов (от физики до философии) и неясный статус главного преподавателя – мастера архитектуры, который, собственно, и выпускает Архитектора из своих рук, словно лепит его в незаметных советах и подсказках.

Так что архитектура остается все еще ремеслом, вынужденным считать себя профессией. Но и это ремесло год от года теряет свой профессиональный статус и размывает свои границы.

В свое время физики шутили, что физика – это то, чем занимаются физики в свободное от работы время. Кажется, что архитекторы и в свободное от работы время архитектурой не занимаются. Занимаются ли они ею на работе? Едва ли.

Архитектор делает проект, угождая воле заказчика – ученому иногда никто ничего не заказывает. Архитектор порой делает проект, соответствующий тому, что заказчик увидел во сне или подсмотрел в гламурном журнале. Видит ли архитектор свой проект во сне – неясно.

Все это заставляет нас видеть в архитектурном ремесле только часть архитектуры; и архитектура предстает не только как продукт труда зодчего, но и как что-то от него не зависящее. Поэтому очень часто говорят, что архитектура создается «духом времени», как и стиль. А вот дух времени создает архитектуру, не проходя для этого курс архитектуры в институте.

Строитель египетских пирамид Имхотеп строил их не по правилам, выученным в стенах института или академии. То же и средневековый строитель. Да и сегодня едва ли можно сказать, что институты учат, как делать архитектуру. Архитекторы учатся друг у друга, и какая-то группа мастеров задает образцы и стиль. Но как им это удается – до сих пор НИКТО не знает.

Чего же тогда стоят Академии и Институты?

Если пытаться предсказать, что произойдет с архитектурой в третьем тысячелетии, то остается два ответа. Либо она исчезнет, уступив место инженерии и дизайну, или, наконец-то, обретет свой профессиональный статус, и ей можно будет научиться. Возможно, конечно, что на самом деле произойдет нечто третье.

Ключевым различием между архитектором прошлого и будущего становится демократия, идущая на смену аристократии. Архитектор демократического общества предлагает народу архитектуру, которая должна сделать его если не счастливым, то довольным. Но откудова архитектора может появиться такое понимание? И вот рождается идея, что он должен знать это у самих людей, которым он строит и проектирует. Так, как если бы врач лечил больных по их собственным рецептам и методам.

Те способы, благодаря которым архитекторы все же что-то проектируют и строят, остаются в области темной материи их фантазии и мысли, и проникнуть в эту материю до сих пор никому по-настоящему не удается.

Именно поэтому подготовка архитекторов все меньше зависит от профессоров и учителей. Студенты ухитряются учиться друг у друга и по журналам, выбирая из них идеи и приемы. Все это знают, но техника такого перетекания идей остается вне предметного преподавания и целиком полагается зависящей от «таланта» студента.

Что же касается «таланта» профессора, то он остается своего рода тайной этой темной материи профессионализма. О ней ходят слухи, легенды, о ней рассказывают, а порой сами архитекторы берутся давать советы, исходя из собственного опыта, который приобретается неизвестно откуда.

Все это относится и к учебному проектированию, и к таким искусственным формам обучения, как «пропедевтика».

Вопрос об архитектуре как профессии мне кажется особенно важным в контексте ситуации умирания зодчества. Можно относить это и к общей схеме исторического процесса как одному из признаков конца великой Кали-Юги, но важно рассматривать этот процесс и изнутри профессии – поскольку все универсальные концепции Духа Времени в конечном счете опираются на частные формы жизни. И доверие к профессиональной интуиции не менее важно, чем ориентация на великие мифологемы.